

УДК 94(476):271.2

**ФУНКЦИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЗАПАДНОРУССКОЙ ВЕТВИ РОССИЙСКОГО МОНАРХИЗМА
(1895 – 1914)****Н.Н. ГОНЧАРОВ***(Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка)*

Аргументируется современное концептуальное видение институционализации монархического движения в Северо-Западном крае Российской империи конца XIX – начала XX века. Определены функции православных церковно-общественных организаций в развитии монархического движения. Обосновывается формирование западнорусской ветви российского монархизма. Освещается дифференциация монархических организаций на политический, социальный и православно-русский духовный монархизм по направлениям общественной жизни. Показан раскол монархического движения на дворянско-аристократическое и народно-крестьянское направления по социально-классовому признаку. Раскрыты тенденции перманентной монархической радикализации и интеграции праворадикалов в социальную систему Северо-Западного края, являющуюся элементом общественной сверхсистемы Российской империи.

Введение. Православный русский конфессионально-этнический фактор становления и развития западнорусской ветви российского монархизма недостаточно изучен в современной историографии. По авторскому определению, монархическое движение представляет собой политическое, социальное и духовное явление общественной жизни Северо-Западного края, как и Российской империи в целом, в конце XIX – начале XX века.

В данной работе освещается ранее неисследованный первоначальный этап институционализации духовного монархизма в Западной России в 1865 – 1895 годах, когда формировались первые «миссионерско-патриотические» организации с ориентацией на монархические идеалы. Второй этап охватывает вторую половину 1890-х – первое десятилетие XX века и характеризуется структурным оформлением взаимодействия организаций православно-русского духовного монархизма с правыми партиями, в частности в рамках Русского окраинного союза. Выявлены православно-русские конфессионально-этнические истоки монархического движения в Северо-Западном крае со второй половины XIX века. Раскрыта тенденция дифференциации российского монархизма по территориальному признаку (выделяется западнорусская ветвь общероссийского монархического движения), по социально-классовому (дворянско-аристократическое и народно-крестьянское направления) и по направлениям общественной жизни (политический, социальный и православно-русский духовный монархизм). *Главенство монарха над православной церковью в Российской империи определяло общественную и политическую позицию православной иерархии.*

Автором определены функции официальных институтов Российской православной церкви в становлении и развитии монархического движения в Северо-Западном крае. Раскрывается механизм влияния христианских идеалов на процесс интеграции праворадикальных элементов в социальную систему Северо-Западного края, модернизированную в результате буржуазных реформ и являющуюся частью общественной сверхсистемы Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.

Самобытность социально-политической системы Северо-Западного края заключалась в обусловленных еврейской чертой оседлости особенностях многоэтнического и поликонфессионального состава населения, в разделении белорусов на православных и католиков (объективный фактор), в системе взаимодействия конфессионально-этнических групп, своеобразие которой определялось толерантностью большинства населения (фактор субъективной реальности). Наличие центробежных тенденций в российском монархизме – выделение его западнорусской ветви, официально противопоставляемой белорусскому национальному возрождению (но реально монархисты-западнорусы вынуждены были считаться с белорусским самосознанием), свидетельствовало о поступательном развитии объективного процесса белорусского этногенеза и об обречённости монархического движения в исторической перспективе.

Универсальные по своему значению христианские религиозно-нравственные идеалы (представленные в систематизированном виде в Нагорной проповеди Евангелия и в Декалоге Ветхого Завета) являются общехристианской духовной основой, определяющей лицо всего христианства как мировой религии и её отличие от остальных религий мира. Духовные идеалы христианской системы ценностей, очищенные от религиозных символов научно-рациональным мировоззрением, заложены в гуманистическую основу Всеобщей декларации прав человека 1948 года, сконцентрировавшей в себе общечеловеческие ценности нашей эпохи, основным защитником которых позиционирует себя современная интеллектуальная элита западных стран XXI века. *Вопрос о роли общечеловеческих ценностей в общественной жизни является ключевым в современной дифференциации народов на «передовые» и «отстающие».* По своему нравственному содержанию идентичные общечеловеческим ценностям православно-христианские идеалы в историческом прошлом во многом оказывали определяющее влияние на процессы в обществен-

ном сознании восточноевропейских народов. Универсальные христианские ценности повлияли на стабилизацию общественно-политической ситуации, предотвратив крайнюю радикализацию монархического движения, угрожавшую социальным взрывом «справа» в Российской империи начала XX века.

Автор акцентирует внимание на возможности синтеза тенденций *перманентной радикализации* ультраправых организаций и *интеграции* праворадикалов в модернизированную социальную и политическую систему путём трансформации политической энергии правого радикализма (*интеллектуального и физического потенциала* черносотенцев) в конструктивную социальную активность посредством общехристианских ценностей, отражающих объективную силу исторических закономерностей общественного развития. В этом заключается возможность практического применения результатов исследования современными идеологическими центрами Республики Беларусь. Наиболее значимые цитаты первоисточников автор выделяет курсивом. Подчёркивания в цитатах принадлежат автору публикации. Датирование информации приводится по старому стилю.

Основная часть. Организации западнорусской ветви российского монархизма развивались в русле двух основных тенденций: волнообразной *перманентной радикализации* и *интеграции* крайних монархистов в модернизированную политическую и социальную систему, претерпевшую значительные трансформации в результате прогрессивных реформ второй половины XIX – начала XX века. Политическое направление монархического движения в основном носило агрессивный характер. Становление и развитие западнорусских организаций духовного монархизма направлялось объективной силой православно-христианских ценностей, нивелировавших политические крайности и стабилизовавших монархическое движение, что создавало предпосылки для интеграции реакционеров и крайних консерваторов из радикальных монархических рядов в общественную жизнь многоэтничного и поликонфессионального Северо-Западного края.

Во второй половине XIX века реформы Александра II (освобождение крестьян, земская, городская, судебная, цензурная и др.), раскрепостившие в значительной мере инициативу подданных Российской империи, привели к пробуждению политического сознания как революционно-демократических кругов прогрессивной общественности, так и реакционно-монархических группировок. В имперских масштабах, на этапе 1870 – 1880-х годов российские консерваторы и реакционеры проявили активность по консолидации своих рядов в рамках деятельности городских дум. В этом отношении показательно, что понятие «чёрная сотня» приобрело политическое значение в России уже в конце XIX века. По публикациям С. Муромцева (впоследствии один из лидеров партии кадетов) в либеральном журнале «Вестник Европы» за 1885 год, термином «чёрная сотня» иронически обозначалась блокировавшая прогрессивные начинания, сплочённая реакционно-консервативная группа мещан и ремесленников в Московской городской думе [10, с. 127, 129]. В отличие от центральных регионов империи, в губерниях Северо-Западного края масштабная общественно-политическая активизация пророссийски настроенных групп населения (в сознании которых верность традиционным устоям православной веры, монархической власти и русской народности ассоциировалась с имперским единством и величием), поддержанная в определённой мере административным ресурсом, берёт начало с середины 1860-х годов. Истоки монархического радикализма как общественного движения Северо-Западного края берут начало в событиях, связанных с восстанием под руководством К. Калиновского, спровоцировавшим всплеск масштабной политической волны по формированию первых в Северо-Западном крае монархических религиозно-политических организаций на общественных началах при административном содействии местных властей.

В результате восстания 1863 – 1864 годов в регионе, охваченном вооружёнными столкновениями, накалилась этнополитическая обстановка. Группы населения с ярко выраженным русским самосознанием чувствовали угрозу со стороны польского культурного и политического влияния. В 1865 году западнорусская монархическая общественность формирует «миссионерско-патриотические» организации, преследовавшие конфессионально-этнические и политические цели усиления русского православия и русской народности на западе империи под эгидой самодержавия. Первыми центрами формировавшейся западнорусской ветви российского монархизма стали важные в географическом и культурном отношении города Минск и Вильно, в которых возникают в 1865 году соответственно Свято-Николаевское и Свято-Духовское братства. Ещё в проекте создания предполагалось их противопоставление польско-католическому «засилью». Архиепископ Минский Антоний (Зубко) в записке «О миссионерских братствах для распространения православия и русской народности в Северо-Западном крае», направленной графу М. Муравёву в конце 1864 года, прямо указывал на цели проектируемых церковно-общественных организаций: «Ваше Высокопревосходительство, Милостивейший Государь! Давно у нас в Минске в брожении мысль о составлении миссионерско-патриотического братства для распространения у нас православия и русской народности... Для объединения всех русских сил здешней интеллигенции, для возбуждения в них энергии и единомыслия нужно учредить в Минске как центре русского населения, под нашим управлением находящегося, *патриотическое миссионерское общество*, о котором по натиску общественного мнения писал к Вашему Высокопревосходительству Преосвященный Михаил. Общество это, чтобы не тревожить преждевременно ксёндзов и примениться к закону, назвать можно религиозным

братством, или прямо *братством*. Девиз его: распространение убеждения о потребности единой державы и православия, на которых держится единство и крепость России» [12, с. 3 – 5, 10].

Видный деятель Виленского Свято-Духовского братства, историк конца XIX – начала XX века А. Миловидов раскрыл значение отмеченной выше инициативы: «...В этом случае Антоний Зубко был выразителем русского общественного мнения не только Минска, но и Вильны... проект организации западнорусского патриотического общества был близок к осуществлению, но не одобренный свыше дал толчок к восстановлению Виленского Свято-Духовского братства» [12, с. 4]. Исторически значимое свидетельство А. Миловидова говорит о решающей роли в организационном становлении православно-русского духовного монархизма не административного аппарата, а западнорусской общественности реакционно-консервативной направленности и представителей официальных институтов Российской православной церкви.

Вскоре после подачи ему этого проекта создания «западнорусского патриотического общества» М. Муравьев оставил Северо-Западный край. Назначенные вместо него администраторы проигнорировали на первоначальном этапе эту инициативу западнорусской общественности и духовенства. Несмотря на игнорирование вертикалью власти этой записки, в 1865 году в городах Вильно и Минске всё-таки возникают, как отмечалось выше, православные братские организации. Своевременность создания «миссионерско-патриотических обществ» и одновременно разочарование в «иноверческом правительстве» выразил Михаил, архиепископ Минский и Бобруйский, в утверждённом им уставе Минского Свято-Николаевского братства 17 апреля 1865 года: «*Настоящий устав, возобновляемого при Минском Кафедральном Петропавловском соборе Братства, утверждаю. Благодарю Господа... сподобившего нас радости возобновления здесь Братства, в трудные для православия под иноверческим Правительством времена...*» [15, с. 18].

Религиозно-политическая направленность деятельности созданных церковно-общественных организаций, включавших в свой состав представителей разных сословий, проявилась в проводимых культурно-просветительских мероприятиях и агитационно-пропагандистских материалах, популяризовавших монархическую идею. Минское Свято-Николаевское братство было пассивным. Наиболее масштабной и результативной была «миссионерско-патриотическая» активность Виленского Свято-Духовского братства, распространявшего в соответствии с уставом свою деятельность на всю территорию Северо-Западного края. По уставу, утверждённому в августе 1865 года митрополитом Литовским Иосифом и виленским генерал-губернатором, генерал-адъютантом, фон-Кауфманом, к «предметам занятий» Свято-Духовского братства относилась забота «*о покровительстве... лицам, кои своею деятельностью оказали услуги Православному Русскому делу в Крае*» [4, с. 27 – 28]. В 1868 – 1869 годах «Государь Наследник Цесаревич», будущий император Александр III, ознакомившись «*о цели, средствах, направлении и деятельности Св.-Духовского братства, благоволил принять на себя звание почётного члена братства*» [4, с. 36].

Необходимо отметить: в соответствии с созданным в 1832 году Сводом законов Российской империи (1-й том Свода, раздел «Основные законы», статья 42) самодержавие официально объявлялось оплотом русского православия: «Император яко христианский государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоты и всякого в Церкви святой благочиния». В примечании к этой статье особо отмечалось: «В сем смысле император в Акте о наследии престола 1797 г. апр. 5 именуется главою Церкви» [22, с. 121]. Первая масштабная кодификация законов Российской империи с указанием главенства монарха над православной церковью была осуществлена в годы правления императора Николая I, при котором министр просвещения С. Уваров сформулировал основные направления внутренней политики монархического государства в знаменитой триаде «Самодержавие. Православие. Народность». К началу XX века традиционный русский идеал «Православие» занял главенствующее место в монархическом кредо.

С 18 марта 1895 года значительно повышается статус Виленского Свято-Духовского братства: за высокие заслуги перед русским православием и империей эта организация берётся под особое покровительство императором Николаем II, что было отражено в названии организации: «Состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленское Православное Свято-Духовское братство» [16, с. 3]. Таким образом, к 1895 году формируется православно-русское духовное направление монархического движения в Западной России. Виленское Свято-Духовское братство, активизировавшееся в масштабах всего Северо-Западного края, становится первой организацией, представлявшей институционально оформившееся духовное направление западнорусской ветви российского монархизма.

В отличие от агрессивного политического направления монархического движения, характерная черта духовного монархизма – нацеленность на церковно-общественную консолидацию монархических рядов (независимо от принадлежности к политическим группировкам) и на интеграцию реакционно-консервативных группировок в конструктивные общественные процессы на основе синтеза православно-христианской системы ценностей и русских национальных традиций. Значимые функции нейтрализации политических крайностей и стабилизации монархического движения в России выполняла объективная сила *православно-христианской системы ценностей*, сконцентрировавшей в себе как русский национальный, так и общечеловеческий духовный опыт, отразившийся в универсальных христианских идеалах (систематизированных в Нагорной проповеди Христа в Евангельском тексте и в Декалоге Ветхого Завета).

Проводниками в сознание монархистов-традиционалистов влияния объективной силы исторических закономерностей, направлявших общество по пути прогресса, стали отражавшие их универсальные христианские мировоззренческие идеалы – эффективное связующее звено субъективной реальности реакционного монархического сознания с общечеловеческими ценностями.

Официальные институты Российской православной церкви (епархиальные центры, церковные приходы и православные братства, функционировавшие под эгидой самодержавия), позиционирующие себя в качестве оплота канонической основы христианского вероучения, выполнили функции социализации прорадикальной личности, стабилизации монархического движения и интеграции западнорусских монархистов в модернизированную социальную систему на территории Северо-Западного края путём воздействия на субъективные убеждения сторонников российского самодержавия (рисунок).

Функции православно-христианской системы ценностей в монархическом движении

Для представителей духовного монархизма в общественной жизни важен был не путь насилия, а диалог различных слоёв населения, что достигалось в просветительской и благотворительной деятельности на благо русской веры и народности под эгидой самодержавия. В «христианском духе» архиепископ Минский Антоний (Зубко) особо отмечал в записке «О миссионерских братствах для распространения православия и русской народности в Северо-Западном крае» методы работы «миссионерско-патриотической» организации: «Братство должно действовать не официальным предписанием, но нравственным убеждением» [12, с. 10]. Политические крайности на этапе первой масштабной волны монархического радикализма середины 1860-х годов проявились в имевшей успех попытке реакционеров и крайних консерваторов объединить политику и религию, и только благодаря стабилизирующей функции духовной основы православного христианства (через приобщение к общечеловеческим ценностям) «гремящая смесь» политических крайностей и религиозного фанатизма не спровоцировала новый виток конфессионально-этнических конфликтов.

Церковно-общественные организации духовного монархизма выполняли значимую функцию консолидации на православной русской конфессионально-этнической основе представителей различных направлений западнорусской ветви российского монархизма. Социальный монархизм был представлен как организациями (культурно-просветительскими, благотворительными, социально-экономическими, сословными), распространёнными в Российской империи, так и обществами, формирование и деятельность которых были вызваны конфессионально-этническими локальными особенностями Северо-Западного края. В частности, в 1869 году в Вильно возникает Общество ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае, состоявшее с 1872 года под «Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Александровны». В отчёте общества за 1872 год акцентировалось внимание на локальной особенности «нужд православия и русской народности в Северо-Западном крае», а также на сочувствии и «поддержке великорусского общества» [17, с. 20].

В 1872 году в организации состояло 176 членов. Среди них – статский советник Ф. Лешко, генерал-майор П. Пахомов, полковники П. Салтыков, П. Смыслов, протоиерей Н. Дмитриевский, священник И. Берман, почётный член-директор Департамента общих дел МВД тайный советник Мансуров. Председательствующим был Преосвященный Иосиф епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. В политическом институте самодержавия и в царствовавшей династии члены общества видели опору православия и русской народности на территории Северо-Западного края [17, с. 4, 6 – 7]. Во второй половине XIX века в деятельности Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае институционально проявилась связь епархиальных центров с благотворительным движением под эгидой самодержавия. Православно-русская система ценностей придавала развитию организаций социального монархизма соответствующее конфессионально-этническое направление с ориентацией на монархические идеалы.

В начале XX века западнорусские церковно-общественные организации активизировались в политическом направлении с целью консолидированного с Русским окраинным союзом противодействия католическому польскому влиянию в Северо-Западном крае, усилившемуся после вступления в силу Указа

о веротерпимости от 17 апреля 1905 года. Как отмечал в работе «К трёхлетней годовщине свободы совести» член Русского окраинного союза и Минского православного народного братства Животворящего Креста Господня священник П. Мацкевич, «Бессовестное проявление свободы совести по отношению к нам, русским, со стороны... врагов наших воздвигло среди нас народных героев, которые энергично стали на страже интересов православия и русской народности и вызвали к жизни Русский окраинный союз и Православное народное братство... и Церковный историко-археологический комитет... Война объявлена и прекратить её мы не можем» [11, с. 140, 143].

На этапе монархической радикализации в годы первой российской революции отдельные православные священнослужители, представлявшие официальные институты церкви, заняли радикальную монархическую позицию, демонстрируя *черносотенные убеждения*. Благочинный священник о. Феодор Вечорко в память о скоропостижно скончавшемся 27 января 1908 года «на 64-м году жизни и 39-м году священства» члене Благочиннического совета 1-го округа Слуцкого уезда священнике Слуцкой Островской Свято-Михайловской церкви о. Василие Мацкевиче, состоявшем в Слуцком Свято-Преображенском братстве во имя Святого Животворящего Креста Господня, отмечал: «Будучи по своим политическим убеждениям искренним патриотом-черносотенцем, в настоящее тяжёлое время для Русского Государства о. Василий... убеждал... благо Родины... крепнет на незыблемом чистом православии, неограниченном Русском самодержавии и сохранении христианской русской народности» [3, с. 145].

Организационными центрами *православно-русского духовного монархизма* в Западной России начала XX века стали политически активные православные братства, редакции «религиозно-патриотических» печатных изданий (орган Минского православного народного братства Животворящего Креста Господня «Братский листок»), втянувшиеся в политическую деятельность церковные приходы (Церковь Виленского Свято-Духовского монастыря, Гродненский Кафедральный собор, Минский Крестовый Архиерейский храм), епархиальные центры, представленные епископатам, состоявшим в монархических объединениях (гомельский, впоследствии минский епископ Митрофан, могилевский епископ Стефан). К наиболее крупным православным братствам, занимавшим ярко выраженную монархическую позицию, относятся: 1) Виленское Свято-Духовское братство, сотрудничавшее с Союзом русского народа (СРН), Русским народным союзом имени Михаила Архангела (РНСМА) и Русским окраинным союзом (РОС) [16, с. 26]; 2) взаимодействовавшее с петербургским Национальным клубом-филиалом Всероссийского национального союза (ВНС) Могилёвское церковно-православное Богоявленское братство, под эгидой которого в Могилёве уже в 1905 году сформировался Союз русских людей (СРЛ) [5, с. 127; 18, с. 16]; 3) Минское православное народное братство Животворящего Креста Господня, возникшее в 1907 году в качестве противовеса праволиберальному «слишком космополитичному» «Союзу 17 октября» и ставшее идеологическим центром притяжения для монархических организаций в РОС [23, с. 2 – 3; 20, с. 2]. Церковно-общественные организации духовного монархизма выполняли значимую функцию консолидации на православной русской конфессионально-этнической основе представителей различных направлений западнорусской ветви российского монархизма.

В начале XX века консервативные православные иерархи активно культивировали идеалы «Православия. Самодержавия. Народности» в общественном сознании *посредством организаций социального монархизма*. В частности, и граф В. Бобринский, один из лидеров русских националистов, и духовный лидер западнорусской чёрной сотни Митрофан, епископ Минский и Туровский, проводя лекции о «галицких “русинах”, наших братушках» (первый с агитационно-пропагандистской целью – в Минском русском общественном собрании 30 марта 1912 года; второй с *благотворительной целью* сбора средств помощи православному населению «Галицкой и Угорской Руси» – в сословно-аристократическом минском Дворянском депутатском собрании 12 января 1914 года) «единым духом» сводили всю информацию своих лекций к исключительно значению в русской национальной жизни традиционной православно-русской конфессионально-этнической системы ценностей, политическим оплотом которой, в их представлении, в международном масштабе являлась Российская империя [2, с. 1, 8 – 9; 13, с. 1, 4, 11].

Раскрытые выше факты свидетельствуют о том, что реализованная православным духовенством функция стабилизации монархического движения заключалась в *направлении деятельности правых в легитимное русло и в трансформации праворадикальной энергии (интеллектуального и физического потенциала черносотенцев) в конструктивную социальную активность (благотворительность, культурно-просветительская деятельность, легальная общественная деятельность)*. Черносотенцы, неспособные интегрироваться в общественную жизнь Северо-Западного края, вынуждены были навсегда оставить его пределы: председатель объединённого пинского отдела СРН-СРЛ дворянин В. Казаринов и его «правая рука» в социальных низах – крестьянин Г. Колошвин, пытавшийся объединить монархический популизм с распространением антипомещичьих социал-демократических прокламаций под многообещающим для крестьян названием «Революция, а не грабёж»; лидер гомельской черносотенной группировки А. Давыдов [6, л. 15].

Среди объединений *социального монархизма* вместе с Минским русским общественным собранием следует также отметить группу «Крестьянин» в Вильно и Русский женский кружок в Минске, которые стремились повлиять на конструктивное решение социальных вопросов в крае просветительскими методами [24, с. 2; 25, с. 2, 3]. Из сословных общероссийских организаций социального монархизма не-

обходимо выделить Объединённое дворянство, включавшее и уполномоченных дворянских обществ западных губерний. Дворяне стремились играть руководящую роль в «чёрной сотне», создав в Петербурге 21 – 28 мая 1906 года на I съезде уполномоченных дворянских обществ аристократический центр русского монархического движения – Объединённое дворянство, консолидировавшее элиту правых партий по сословно-аристократическому признаку [14, с. 12, 160, 402, 404].

Монархическое движение фактически раскололось по социально-классовому признаку на дворянско-аристократическое и народно-крестьянское направления. *Православно-русская народная концепция «чёрного передела» как совокупность направлявших классовую борьбу социальных идей (о «Божией земле», о социальной справедливости и об отце-правителе – «Помазаннике Божиим», «Царе-батюшке», призванном воплотить в жизнь народную правду) крестьянами облекалась в религиозную форму.* В этом контексте показательным свидетельством современника событий, русского мыслителя Н.А. Бердяева: *«Это даже гораздо более психологический и моральный вопрос, чем чисто экономический. Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. Крестьяне считали, что земля Божия, т.е. ничья в человеческом смысле. Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой же неправдой, как и крепостное право... Крестьяне мечтали о “чёрном переделе”... Раньше верили даже, что это сделает царь»* [1, с. 111 – 112].

Первым в отечественной историографии акцентировал внимание на влиянии религиозного мировоззрения на концептуальное обоснование социальной борьбы в крестьянской среде доктор исторических наук М.С. Корзун, открывший истоки народной православно-русской концепции «чёрного передела» (для которой была характерна «связь наивного монархизма с господствующим православием») в XVIII веке [6, с. 131 – 132]. *С возникновением в начале XX века правых партий, включавших десятки тысяч крестьян, социальные низы не стали терять новой возможности реализовать вековое стремление к социальной справедливости с религиозной надеждой на «Помазанника Божиего», как это имело место в пинском объединённом отделе СРН-СРЛ в 1906 году [7, л. 30 (об.); 6, л. 2, 3, 15].* О религиозном авторитете в патриархальных массах не только царя, но и представителей императорской фамилии свидетельствует обращение неграмотного белорусского крестьянина села Михалюк Минской губернии А. Теслиюка за «крестом благословения» через минского губернатора к «Её Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Феодоровне» в 1906 году [8, л. 414]. На этапе первой российской революции формировавшееся классовое сознание патриархальных слоёв населения воплощалось в религиозных формах. Крайне правые организации стали первой политической школой для патриархальных социальных низов в борьбе за свои классовые интересы.

Монархическое движение не было строго централизованным в имперских масштабах в организационном и идеологическом отношении. Своеобразие западнорусской ветви русского монархизма определялось спецификой западнорусского самосознания монархистов (в самоидентификации между «западнорусами» и «белорусами» ставился знак равенства). Показателен следующий факт. Вместо подвергнутого думскому ostracismу Г. Шмидта, лидера РОС в Минской губернии, членом III Государственной думы от «русской национальности» 16 сентября 1908 года был избран ректор Минской духовной семинарии, председатель совета епархиального Св.-Николаевского братства протоиерей А. Юрашкевич (82 голоса против 42), в качестве «коренного белоруса» по происхождению и русского человека по национальности [19, с. 327], получивший абсолютную поддержку на выборах от РОС, наиболее влиятельной организации западнорусской ветви русского монархического движения. Национальная позиция А. Юрашкевича проявилась в его речи на предвыборном собрании РОС 18 мая 1908 года: *«На нашем избрании... долг – раскрыть пред избранными русской земли... замыслы врагов западнорусского народа...»* [21, с. 332]. В целом, несмотря на радикализм предвыборных речей, духовенство личным моральным авторитетом стабилизировало деятельность правых партий, направляя их активность в легитимное русло.

Особенности западнорусской ветви русского монархизма определялись также наличием особой монархической идеологии «западнорусизма» и в организационном отношении активизацией региональных монархических объединений Западной России: 1) политически активные западнорусские православные братства, представлявшие направление православно-русского духовного монархизма; 2) западнорусские благотворительные, просветительские и сословные организации социального монархизма; 3) РОС, Северо-Западное Русское Вече, губернские и уездные отделы СРН, формально единые с Главным Советом, фактически действовавшие автономно, так же как и местные отделы «Союза 17 октября» – местные партийные организации *политического направления русского монархизма*, сформировавшиеся в основном после вступления в силу Манифеста 17 октября 1905 года, в условиях первой российской революции.

Церковно-общественные центры (редакции печатных изданий, политически активные церковные приходы, братства) православно-русского духовного монархизма генерировали три интеграционных процесса внутри монархического движения: 1) консолидация монархических рядов независимо от партийности, нивелировка крайностей партийной атомизации *политического монархизма*; 2) стремление к усилению православно-русского конфессионально-этнического и ортодоксально-христианского аксиологического единства *всего монархического движения*, дифференцированного на различные (политическое,

социальное и духовное) масштабные направления; 3) интеграция праворадикалов в социальную систему Северо-Западного края, являвшуюся элементом общественной сверхсистемы Российской империи. Кроме отмеченной функции генерации интеграционных процессов в монархическом движении, официальные институты Российской православной церкви выполняли функцию проводников влияния объективной силы универсальной христианской системы ценностей на монархическое сознание.

Заключение. Монархическое движение представляло собой политическое, социальное и духовное явление общественной жизни Северо-Западного края, как и Российской империи в целом, в конце XIX – начале XX века. Развитие российского монархизма и выделение его западнорусской ветви проходили в русле тенденции дифференциации монархических организаций по направлениям деятельности в наиболее значимых сферах общественной жизни: на политический, социальный и православно-русский духовный монархизм.

Наиболее значимая общественно-политическая активность представителей официальных институтов Российской православной церкви была связана со становлением западнорусских православно-монархических организаций. В 1865 – 1895 годах на первоначальном этапе институционализации духовного монархизма в Западной России формируются первые «миссионерско-патриотические» объединения с ярко выраженной ориентацией на традиционные монархические идеалы. Второй этап охватывает вторую половину 1890-х годов – первое десятилетие XX века и характеризуется структурным оформлением взаимодействия организаций православно-русского духовного монархизма с правыми партиями, легализовавшимися по Манифесту 17 октября 1905 года, в частности в рамках РОС, включавшего в себя западнорусские православные братства.

Институционализация западнорусской ветви российского монархизма позволяет утверждать о **центростремительных тенденциях** в монархическом движении на территории северо-западных губерний Российской империи под влиянием объективного процесса белорусского этногенеза и, как следствие, об исторической бесперспективности великодержавных тенденций в общественно-политической жизни Северо-Западного края.

Волнообразный характер перманентной монархической радикализации проявился в событиях середины 1860-х годов, спровоцировавших формирование первых «миссионерско-патриотических» организаций, и в событиях первой российской революции, которые привели к консолидации ряда церковно-общественных организаций и правых партий. В радикализации монархизма и в его социально-классовой дифференциации на народно-крестьянское и дворянско-аристократическое направления проявилась неизбежность социального взрыва в Российской империи начала XX века, закономерно продвигавшейся в социальной модернизации путём прогрессивных реформ, но по западноевропейскому варианту капиталистического развития, в цивилизационном отношении чуждому для восточноевропейских народов.

Тенденция интеграции черносотенцев в общественную систему Северо-Западного края (являвшуюся элементом общественной сверхсистемы Российской империи) направлялась объективно-сложившейся православно-христианской системой ценностей, отражавшей историческую силу объективных закономерностей. Официальные институты Российской православной церкви выполнили наиболее общие функции, определившие эволюцию монархизма: 1) генерация интеграционных процессов в монархическом движении; 2) стабилизация российского монархизма; 3) являлись проводником влияния объективной силы исторических закономерностей через универсальные христианские идеалы на народное сознание (в религиозном восприятии эта объективная сила – воля Бога). Православно-христианская система ценностей в значительной мере нивелировала политические крайности черносотенства, предотвратив тотальный социальный взрыв, который могли спровоцировать «экстремисты справа», что позволяет утверждать о приобщении белорусской нации (как и восточноевропейских народов в целом) к общечеловеческим ценностям через христианские идеалы ещё в период своего становления в начале XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Бобринский, В.А. Возвращение в лоно Православной церкви униатов Червонной Руси и гонение на них со стороны поляков / В.А. Бобринский. – Минск: Электро-тип. С.А. Некрасова, 1912. – 9 с.
3. Вечорко, Ф. Священник Слуцкой Островской Свято-Михайловской церкви Василий Мацкевич / Ф. Вечорко. – Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 6. – 15 марта. – С. 143 – 150.
4. Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство. – СПб.: Изд. ред. народного журнала “Мирской вестник”, 1876. – 60 с.
5. Волженков, В.В. Лидер могилёвских консерваторов епископ Митрофан и его отношения с местной властью / В.В. Волженков // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва: зб. навук. прац удзельнікаў V міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва»: мінулае і сучаснасць / уклад. І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў: Могилёв. обл. укр. тип., 2007. – С. 126 – 129.
6. Дело об устранении от должности делопроизводителя Столинского волостного суда Колошвина за распространение листовок “Революция, а не грабёж” и агитацию крестьян к захвату помещичьей земли // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1595. – Оп. 1. – Д. 972.

7. Дело по жалобе бывшего земского начальника Минской губернии В. Казаринова об устранении его от должности по ложному докладу неперменного члена г. Щепотьева и невыплате ему жалования // НИАБ. – Фонд 1595. – Оп. 1. – Д. 858.
8. Жалобы на полицейских чиновников и переписка с уездными исправниками о политической благонадёжности разных лиц // НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7694.
9. Корзун, М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X век – 1917 год / М.С. Корзун. – Минск: Изд-во «Беларусь», 1984. – 255 с.
10. Лебедев, С.В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения / С.В. Лебедев. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2007. – 576 с.
11. Мацкевич, П. К трёхлетней годовщине свободы совести / П. Мацкевич. – Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 6. – 15 марта. – С. 140 – 143.
12. Миловидов, А.И. Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко / сост. А.И. Миловидов. – Минск: Типолиграфия Б.В. Соломонова, 1900. – 15 с.
13. Митрофан. Лекция Его Пресвященства, Пресвященнейшего Митрофана, Епископа Минского и Туровского, 12 января 1914 года в зале Дворянского Депутатского собрания “О положении русских в Галицкой и Угорской Руси в связи с историей этого края”. – Минск, 1914. – 11 с.
14. Объединённое дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906 – 1913 гг.: в 3 т. / редкол. В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2001 – 2002. – Т. 1. 1906 – 1908 гг. – 926 с.
15. Отчёт Минского православного Николаевского братства за 1866 – 1867 год. – [Б. м, 1867]. – 21 с.
16. Отчёт о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленского Православного Свято-Духовского братства за 1913 год. – Вильна: Тип. “Русский почин”, 1914. – 93 с.
17. Отчёт состоящего под Высочайшим Покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае за 1871 – 1872 годы. – Вильна: Печатня О.С. Блюмовича, 1872. – 28 с.
18. Отчёт о состоянии и деятельности Могилёвского церковно-православного Богоявленского братства за 1910 год. – Могилёв: Типолитограф. Ш. Фридланда, 1911. – 20 с.
19. Речь А.Н. Беляева, произнесённая 18 мая в предвыборном собрании Русского окраинного союза // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 11. – 1 июня. – С. 326 – 331.
20. Речь Председателя Совета Минского Православного Народного Братства во имя Животворящего Креста Господня на общем собрании членов 23 марта 1908 г. // Отчёт Минского Православного Народного Братства во имя Животворящего Креста Господня за 1907 год. – Минск: Типография С.А. Некрасова, 1908. – С. 1 – 3.
21. Речь протоиерея А.Д. Юрашкевича, произнесённая 18 мая в предвыборном собрании Русского окраинного союза // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 11. – 1 июня. – С. 331 – 334.
22. Смолич, И.К. История Русской церкви / И.К. Смолич. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Ч. 1. – 800 с.
23. Устав Минского православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня. – [Б. м.], 1907. – 11 с.
24. Устав Минского русского общественного собрания. – [Б. м., Б. г.]. – 12 с.
25. Устав Русского женского кружка в гор. Минске. – Минск: Губ. Тип., 1911. – 15 с.

Поступила 07.05.2013

FUNCTIONS OF OFFICIAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN FORMATION AND DEVELOPMENT OF WESTERN RUSSIAN BRANCH OF RUSSIAN MONARCHISM (1895 – 1914)

N. GONCHAROV

The contemporary conceptual vision of the institutionalization of the Russian monarchism in the north-west province of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century is argued. The functions of the orthodox church and social organizations in the development of the monarchist movement are defined. The formation of the Western Russian branch of Russian monarchism is grounded. The monarchist organizations differentiation on political, social and Russian Orthodox Christian monarchism in areas of public life is covered. The split of monarchist movement on aristocratic and people-peasant areas according to the social and class feature is shown. Trends of perpetual monarchical radicalization and integration of radical right-wingers in the social system of the Northwestern land are revealed, which is the element of public supersystem of the Russian Empire.